

Бартабас встретил «Восход солнца»

Кавалерист-каллиграф

Глеб Ситковский / АВИНЬОН

На Авиньонском фестивале сыграны два спектакля, которые смело можно называть астральными близнецами. Один из них, «Луна» в исполнении японского каллиграфа Хироюки Накадзими, прошел почти незамеченным в капелле Сен-Шарль. Другой называется «Восход солнца» и вызвал гораздо больше шума — хотя бы потому, что его поставил Бартабас, человек легендарный, хорошо известный своими «лошадинами» спектаклями не только в Авиньоне, но и у нас в Москве. «Луна» выходит на фестиваль-ный небосклон, как ей и положено, по вечерам; для «Восхода солнца» тоже подобран урочный час — спектакль Бартабаса начинается в полшестого утра.

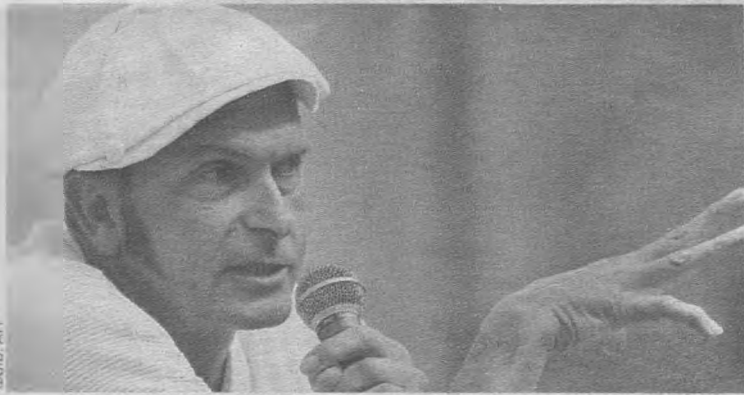
О том, что 60-й Авиньонский фестиваль будет тяготеть к естественным явлениям природы и ко всему природному вообще, можно было догадаться уже хотя бы по его постеру, на котором две человеческие фигуры буквально вдавлены в мягкую глину, становясь, таким образом, частью пейзажа. Постер, разумеется, намекает на спектакль «Пасодобль» (см. «Газету» от 19 июля), где хореограф Жозеф Надж и испанский художник Микель Барсело целый час отчаянно сражаются с вязким земным прахом и в конце концов терпят поражение. «Луна» и «Восход солнца» имеют дело, как ясно из их названий, уже не с землей, а с небесными телами. Объединяет все вышеупомянутые работы еще и то, что каждая из них создана истинными художниками: благодаря влиянию Наджа, Авиньонский фестиваль в этом году вообще имеет уклон в сторону визуальности и изобразительного искусства.

Хироюки Накадзима — профессиональный каллиграф, занимающийся традиционным японским ремеслом Шо с шести лет. Его ежевечерние импровизации связаны с фазами Луны весьма условно — из окон капеллы Сен-

ет, а после широкой кистью наносит размашистые, но в то же время и точные узоры. Все происходит в благоговейной тишине при участии пятидесяти зрителей.

Спектакль конного театра «Зингаро» удивительно похож на эту демонстрацию каллиграфического искусства. Только Бартабас вместо туши для рисования своих иероглифов использует верного коня по кличке Караваджо. После показанной в Авиньоне поповой «Баттуты», где лихое циркачество было помножено на жизнерадостную цыганщину, Бартабас решил доказать, что он умеет быть совсем иным — медитативным и строгим. «Восход солнца» — это минимум публики, вывезенной поутру за город в карьер де Бульбон (Бартабас хотел, чтобы зрителей было не больше трех десятков, но дирекция фестиваля настояла на трех сотнях), строгий запрет на шушуканье и посторонние разговоры. Словом, все, как на «Луне». Кому, впрочем, охота шушукать в такую несусветную рань? Сонные, героические зрители, подавляя зевоту, рассаживаются в абсолютной темноте вблизи величественного каньона. Там, вдалеке, у самых скал, едва можно разглядеть очертания лошади. Затем в песчаный круг вступает человек, с ног до головы закутанный в плащ с капюшоном, и седлает коня.

Дальше происходит самая настоящая лошадиная медитация. Всадник неспешно нарезает бесконечные круги, оставляя следы на песке. Ничего внешне эффектного, обыденная утренняя разминка. Вначале все происходит в полном безмолвии. Потом откуда-то с гор до нас начинает доноситься едва слышимая музыка и человеческий голос. Это суфийские песнопения, в которых ашуги восхваляют милость Аллаха к его творениям. К этому времени тьма рассеивается. Теперь нам с каждой минутой все явственнее видно лицо наездника и горделивая лошадиная

Бартабас предполагал, что «Восход солнца» будет играть в половине шестого утра при трех десятках зрителей; дирекция фестиваля настояла на трех сотнях

Шарль он голову не высовывает, лунным сиянием не любит, а всего лишь выводит тушью черные иероглифы по белому холсту. Соотношение черного и белого всегда разное — каллиграфическое искусство Шо в понимании японца переменчиво, как и Луна. Черная тушь и белое незанятое пространство находятся в таких же отношениях, как видимая и невидимая части Луны. Перед тем как запачкать черным эту девственную белизну, он долго примеряется, разминается, медитиру-

ет, все отчетливее слышны звуки пробудившихся птиц и цикад. После того как солнце окончательно поднимается над горизонтом (по астрономическим календарям это явление происходит сейчас в авиньонских широтах в 6.19 утра, то есть за 11 минут до окончания спектакля), человек распрягает коня и покидает песчаную площадку. Представленный самому себе, Караваджо начинает кататься по земле и радостно ржать. Не иначе как тоже солнцепоклонник.